

нии значения. Даже «антисемантический» структурализм в конечном итоге апеллирует к значению, зафиксированному в отдельном языке.

Для структурно-функциональной грамматики *Caesar Pompeium vicit* и *Pompeius a Caesare victus est* не синонимичны, а различны по значению. Ее интересует не эквивалентность выражений *mit einem Messer, mit Hilfe eines Messers, unter Benutzung eines Messers* и т. д., а их различие в отдельных языках. Она не ищет парафразы, применимые лишь в связи с определенным употреблением некоей формы, а те парафразы, которые применимы для всех случаев использования формы, т. е., собственно говоря, она ищет определение функций отдельных языков. Для этой грамматики такие выражения, как немецкое *mit X* или английское *by X*, ни в коей мере не являются двусмысленными или многозначными в языковом отношении, но лишь неопределенными с точки зрения обозначения. Различные возможности обозначения таких конструкций с этой точки зрения интерпретируются как «варианты» значения в речи. Иными словами, констатируется, что здесь конкретные языки не проводят различия, а предоставляют это ситуации и «знанию действительности». Единство обозначения, представляющее в трансформационной грамматике как таковое, здесь расщепляется, если оно не соответствует единой функции отдельного языка, и наоборот, то, что расщепляется в трансформационной грамматике из-за поливалентности обозначения, рассматривается как единство, если поливалентность остается в пределах одной функции этого языка. То, что хочет описать эта грамматика, в любом случае есть сам отдельный язык как парадигматическая структура на различных уровнях, а не речь на языке, которая детерминирована не только языком. Она стремится к тому, чтобы установить, как оформлены отдельные языки, а не как говорят на отдельных языках.

3.3.3. Лингвистика текста как таковая соотносится, конечно, с уровнем текста и тем самым со смыслом. Она может быть структурной или порождающей, но это лишь вопрос представления, так как структуры, которые она может установить в этом качестве, специфичны для текста и определены смыслом, а не являются структурами того или иного языка, обусловленными значением. Кстати, в тексте «означающими» (*signantia*, «*signifiants*») определенный смысл становятся не только речевые выражения как таковые, но и то, что выражено в языке как значение и обозначение (ситуация, лица и т. д.), которые тоже являются знаками.

Правда, сегодня в лингвистику текста часто включаются и исследования тех функций одного языка, которые выходят за пределы предложения, такие, как связь предложений, продолжение, предвосхищение, перечисление и т. д. («сверхфразовый анализ»), но в этом случае соотношение происходит не с текстом как с языковым уровнем вообще, а с текстом как уровнем грамматического структурирования в одном отдельно взятом языке. Такие исследования просто включаются в исследования отдельных языков, а не в лингвистику текста.

3.4. Направления в науке являются взаимодополнительными (комплементарными), если одно из них не может, основываясь на своих принципах, фундаментальных положениях и критериях, решить или даже осмысленно поставить проблемы других наук. Однако именно так обстоит дело в рассмотренных нами направлениях лингвистики.

Действительно, трансформационная грамматика не может решать проблемы, присущие структурно-функциональной лингвистике (установление и ограничение категорий и функций отдельных языков и соответствующих парадигм). Это происходит, во-первых, потому, что при рассмотрении языка, опирающемся на обозначение и исходящем из обозначения, эти категории и функции не могут проявиться как таковые. Во-вторых, дело обстоит так потому, что правила могут относиться, собственно говоря, только к операциям, а операционными в языке являются только синтагматические комбинации и процессы, которые мы называем «реаль-